

ХРИСТИАНСКОЕ ЕДИНЕНИЕ И БОГОСЛОВСКОЕ ПРОСВѢЩЕНИЕ ВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕРСПЕКТИВѢ.*).

Я не взялъ бы на себя смѣлости столь неожиданно и непредвидѣнно для меня говорить предъ вашимъ достопочтеннымъ собраніемъ по такому наиважнѣйшему вопросу, какъ междуцерковное объединеніе, еслибы въ присутствіи моихъ вышшихъ іерарховъ не былъ вполне увѣренъ, что выражаю здѣсь общепринятія у насъ аксіомы, потому что это суть истины библейскія и святоотеческія, т. е. универсально обязательныя. А заключаются онѣ въ томъ, что взаимное и всеобщее христіанское единеніе есть не только заповѣдь Христа Спасителя и не только наша всецѣлая моральная обязанность. То и другое вѣрно, но именно потому, что тутъ потребность самаго нашего христіанскаго бытія, которое безъ этого не можетъ существовать, функционировать и развиваться нормально.

I.

Помимо всякихъ догматическихъ теорій и отвлеченныхъ доктринъ — опытъ всѣхъ народовъ и временъ съ неотразимостію убѣждаетъ, что послѣ грѣхопаденія че-

*) Эта рѣчь — въ англійской передачѣ — была предложена на специальномъ «митингѣ» 8 июля (25 июня) 1925 г. (среда) въ 51(2 час. пополудни въ большомъ залѣ Королевскаго Колледжа (King's College) въ Мейдинѣ) (Strand, W. C. 2) подъ предсѣдательствомъ епископа Бирмингамскаго Rt. Rev. Or. H. Russel's; тамъ съ русской стороны говорили еще митрополитъ Евло-

ловѣчество эмпирически автономно лишь на зло и не въ силахъ было самостоятельно избавиться отъ этого ужаснаго положенія. При всеобщности подобнаго явленія оказывалось совсѣмъ невѣроятнымъ самобытное человѣческое возрожденіе, ибо это дефектъ натуральный, получаемый по наслѣдству всѣми безъ изъятія. Даже законъ божественный, данный во спасеніе, послужилъ въ Ветхомъ Завѣтѣ къ осужденію и смерти. Необходимо было непосредственное участіе эссенціально-божественнаго начала, дабы своимъ общеніемъ возродить грѣховное человѣческое естество. И вотъ «когда пришла эта полнота временъ, Богъ послалъ Сына Своего» (Гал. IV, 4-5), Который, какъ Богочеловѣкъ, своею крестною смертію приобрѣлъ намъ «вѣчное искупленіе» (Евр. IX, 12).

Однако послѣднее пока бываетъ собственностію Божественнаго Обладателя и можетъ получиться только отъ Него. Посему обязательно тѣснѣйшее единеніе со Христомъ, чтобы достигнутое для насъ благодатное избавленіе натурально общалось намъ и оставалось нашимъ личнымъ христіанскимъ достояніемъ. За отсутствіемъ заслуженности дѣль человѣческихъ — исключительнымъ средствомъ бываетъ вѣра, которая таинственно и жизненно приводитъ насъ къ сліянію со Христомъ, а осуществляется этотъ спа-

гій, епископъ Веніаминъ, ректоръ Русской Православной Академіи въ Парижѣ (93, rue de Crimee, Paris XIX)

сительный актъ въ крещеніи, когда мы спогребаемъ Ему (Кол. 2 : 12), дабы какъ Христось Воскресъ изъ мертвыхъ силою Отца, такъ и намъ ходить въ обновленной жизни (Рим. VI: 4). Значить, теперь приобрѣтенъ новый и преизобильный жизненный источникъ, гдѣ изъ нашей смерти возникаетъ наилучшее бытіе. Но разъ смерть наша была со Христомъ и во Христѣ, то, очевидно, Онъ и творить это великое чудо, замѣняя нашу жертвенность настолько, что дальше уже не я живу, но живеть во мнѣ Христось (Гал. 2: 20).

Ясно, что теперь происходитъ реально-таинственное сліяніе съ Икупителемъ и поглощеніе въ Немъ нашей немощи вседѣйственною силою Божіей (Рим. VI: 5 ст.). При этомъ «всѣ во Христа крестившіеся, во Христа облекаются» (Гал. 3: 27), становясь едино съ Нимъ по благодатному органическому общенію. Тогда они — по прекрасному толкованію св. Іоанна Златоуста — приходятъ *εις μίαν εὐφραντικὴν καὶ μίαν ἰδέαν*. съ Господомъ Спасителемъ и непосредственно воспринимаютъ всѣ Его прерогативы. Поскольку же Онъ — Сынъ Божій, то и крестившіеся бываютъ чадами Божіими по вѣрѣ во Христа Іисуса (Гал. 3: 26), хотя — по сравненію съ Нимъ — наше богосыновство не эссенціальное, а производное и вторичное. Это есть «усыновленіе» (*υἱοθεσία*) черезъ Іисуса Христа (Еф. I: 5. Рим. VII: 23), однако не адоптивное только и не юридическое, ибо мы оказываемся дѣйствительно сынами Божіими со всѣми дарами Духа и правами наслѣдованія (Гал. IV: 5-7). (Рим. VIII: 14).

Слѣдовательно, христіанство есть реальное богосыновство, которымъ всякій непременно награждается при самомъ своемъ возрожденіи. Каждый христіанинъ по своему званію обязательно обладаетъ благодатнымъ богосыновствомъ. Но это въ равной степени несомнѣнно для всѣхъ членовъ христіанской семьи, и потому всѣ вѣрующіе суть чада Божіи по самой природѣ своего христіанскаго бытія при его происхожденіи. Если же христіане — дѣти единого Отца, то естественно, что они и братья между собою въ силу своего облагодательствованія. Наряду съ общимъ для всѣхъ богосыновствомъ не менѣе безусловно и реально взаимное христіанское братство, какъ неразрывное отъ самаго христіанскаго достоинства во всѣхъ оправданныхъ.

II.

Но, будучи всецѣлымъ братствомъ, христіанство не просто должно бытъ, а необходимо бываетъ и христіанскимъ единствомъ. Послѣднее является основнымъ свойствомъ нашего христіанскаго бытія, которое нормально выражается лишь всеобщее братское солидарностію. Отсюда и универсальное христіанское единеніе составляетъ самую сущность благодатнаго возрожденія и удостовѣряетъ его. Это — не догматическій постулатъ, а реальный христіанскій фактъ.

Въ такомъ случаѣ понятно и дальнѣйшее, что здѣсь всякое объединеніе возможно и законно лишь на основѣ фактическаго схода въ томъ, что выражаетъ природу нашего христіанскаго братства. А это — «каноны» «новой твари» (Гал. VI: 16, 15) или нормы нашего христіанскаго бытія опредѣляемаго точными законами, которые служатъ для него всегдашними основами нормальной жизни. Въ разумномъ истолкованіи нашемъ, это будутъ догматы, а они, являясь обязательными стихіями христіанской жизни, столь же необходимыми для взаимнаго признанія, чтобы затѣмъ наступило подлинное, реальное объединеніе. По сему безъ догматическаго единомыслія не можетъ быть истиннаго и полнаго междуцерковнаго единства, поскольку послѣднее создается исключительно сліяніемъ въ догматическихъ нормахъ христіанской дѣйствительности.

Это есть эссенціальное, онтологическое требованіе, и его нельзя обойти или преодолѣть никакимъ инымъ способомъ. Даже самая любовь христіанская, которая «николиже отпадаетъ» (I Кор. XIII: 8), не способна замѣнить это условіе и стать всесовершенною, ибо безъ него всегда будетъ неувѣренною и иногда неискреннею. Высказываютъ, что догматы часто были «elaborate articles of disunion и предпочитаютъ ричліанскій агностицизмъ и адогматическій латитудинаризмъ. Но первое было бы возвращеніемъ ко временамъ «невѣдомаго Бога» (Дѣян. XVII: 23) и нетерпимо въ христіанствѣ, когда Единородный Сынъ исповѣдалъ Небеснаго Отца (Іоан. 1: 18) и Духъ Св. наставляетъ на всякую истину. (Іоан. XVII: 3). А что касается адогматизма, то онъ исключаетъ самую потребность междуцерковнаго единенія, легко уживается и примиряется со всѣми, допуская широкую диспарат-

ность вѣрованій, богослужебнаго уклада и христіанской практики, чѣмъ вносится уже объективная запутанность и стѣсняются всякія убѣжденные соглашенія. Самый объектъ исчезаетъ въ самыхъ типическихъ очертаніяхъ, а безъ нихъ не бываетъ и живой реальности.

Именно послѣднюю и констатируютъ догматы, почему они не могутъ быть разъединяющими, а — напротивъ — служатъ единственнымъ средствомъ истиннаго, жизненнаго сближенія. Обратное бываетъ лишь въ томъ случаѣ, когда догматы искусственно направляются къ отдѣленію фарисеевъ отъ мытарей или столь мелочны, что подавляютъ христіанскую свободу. (Гал. V; 1, 13), уничтожаютъ всякую индивидуальность и водворяютъ мертвящій шаблонъ, порождая зловредный конфессіональный шовинизмъ. А все это происходитъ исключительно потому, что совершается вопреки реальному предмету или сверхъ его природы. Понятно, что безъ этого догматы становятся объективными квалификаціями и создаютъ прочное объективное объединеніе, такъ какъ констатируютъ лишь самое существенное въ христіанствѣ и оставляютъ неприкосновеннымъ все индивидуально-отличительное, какъ это вездѣ и всегда бываетъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ этомъ смыслѣ догматы — основа, опора и охрана христіанскаго единства. Наилучшимъ подтвержденіемъ его является святой Никейскій соборъ, память котораго собрала насъ сюда изъ разсѣянія и доставила мнѣ высокую честь быть гостемъ вашимъ, дорогіе и досточтимые коллеги.*) Тогда была страшная эпоха въ исторіи христіанства, которому грозила опасность потерять все достигнутое среди взаимныхъ смутъ и внутренне ослабѣть отъ своихъ раздѣленій. Бывали моменты, когда аріанство захватывало большинство христіанскаго міра и грозило потопить его своею еретическою нетерпимостью. Спасеніе началось лишь догматическою формулировкой въ Символѣ вѣры, а послѣдній доставилъ потомъ

*) Во время своего пребыванія въ Англіи по случаю Никейскихъ торжествъ съ 26 (13) іюня (среда) по 21 (8) іюля (вторникъ) 1925 г. авторомъ былъ гостемъ Лондонскаго Университета и находился на полномъ издивеніи въ Общежитіи Королевскаго Колледжа. Членомъ этой высокой корпорации онъ и разумѣлъ въ настоящемъ своемъ обращеніи.

и всецѣлое христіанское объединеніе на почвѣ констатированной существенной догматической истины, которая вызывала признаніе безъ пожертвованія свободой индивидуальнаго усвоенія.

III.

Отсюда мы наглядно убѣждаемся, что и впредь междуцерковная солидарность должна устроиться догматическою взаимностію по принципу Викентія Лириискаго: *ni necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus autem caritas*. Но разумѣется, для сего должно быть жизненное тяготѣніе, обеспеченное прошлымъ и функционирующее доселѣ. Съ этой стороны я имѣю наиболѣе отрадные уніональныя перспективы въ отношеніи англиканства, съ которымъ православный Востокъ издавна связанъ тѣсными узами. Одинъ изъ ученѣйшихъ современныхъ іерарховъ англиканскихъ пишетъ, что «we have to think of the English Church of that (first) period as being part of an undivided Universal Church, and we have an interesting reminder of that in the fact that one of the greatest of the early Archbishops of Canterbury was Theodore of Tarsus, a Greek, to whom this Church and country owe the first systematic organization of its religious life» (Rt. Rev. Bishop Arthur C. Headlam, *The Church of England*, London 1921, p. 25). Это доброе начало благожелательной взаимности сохранялось потомъ и съ особымъ блескомъ проявилось въ послѣднія времена, когда именнѣ изъ англиканской среды исходили свѣтлые лучи для страдающаго православія среди всеобщей тьмы. Огромны заслуги англиканства по дѣлу о вселенскомъ патриархатѣ, гдѣ лишь энергическое участіе нашего достойнѣйшаго архіепископа Randal Davidson'a спасло для православія жизненный центръ каноническаго единенія. А для демонически терзаемой моею Россіи православной англиканская Церковь — во главѣ и членахъ — была и остается единственною печальницей своей христіанской сестры, истекающей кровію мучениковъ и исповѣдниковъ, — тою самою кровію, которая нѣкогда была «сѣменемъ христіанства» и сейчасъ является священнымъ залогомъ нашего христіанскаго союза. И послѣдній предполагается не случайно и безотчетно, а опирается на объективной готовности къ справедливому догматическому единомыслию. Въ редактированной мною «Пра-

вославной Богословской Энциклопедіи» я еще въ 1911 году (т. XII, стлб. 731) имѣлъ душевную радость напечатать слѣдующее знаменательное заявленіе члена англиканскаго духовенства, Rev. Andrew Amas'a: «Англиканская Церковь всегда оставалась вѣрною идеѣ о святой католической церкви какъ въ своей организациі съ епископами, священниками и діаконами, такъ и въ своемъ ученіи при ея преданности католическимъ символамъ даже и въ трудныя времена, вообще извѣстныя подъ именемъ реформаціи. Рѣшительно возставая противъ притязаній Римскихъ первосвященниковъ, она твердо держалась древняго порядка и съ полнымъ правомъ ссылалась на авторитетъ первенствующей церкви, которымъ на вселенскихъ соборахъ освящены были усвоенныя ею ученія и практика — въ ихъ каноническихъ основахъ». А сію минуту я прочиталъ знаменательныя слова (Mr. Hofman Nickerson'a въ «The Christien East» VI, 2: June, 1925, p, 90) «that complete reunion of Anglicans with that venerable Church (Eastern Orthodox) seems to await only the restoration of Eastern Europe to political tranquillity». Въ свою очередь и православныя церкви, желая болѣе детальной, отчетливой формулировки догматическихъ вѣрованій англиканства достаточно признали свою близость въ благопріятномъ сужденіи о центральномъ пунктѣ насчетъ законности и дѣйствительности англиканской іерархіи. А въ православной Россіи уже давно внушается, даже въ нашихъ семинарскихъ учебникахъ, что «всѣ данныя даютъ право надѣяться, что желаніе единенія между англиканскою и православною церковію въ недалекомъ будущемъ завершится полнымъ успѣхомъ». (П. И. Малицкій, Исторія христіанской церкви; томъ послѣдній, Тула, стр. 312).

IV.

Итакъ, по милости Божіей, почва значительно подготовлена, и мы можемъ сказать церковными словами: «Время сотвориши Господеви!» Тутъ должны быть съ нашей стороны достойные дѣятели для совершенія этого святого дѣла, для его утвержденія, продолженія и для всегдашняго благословеннаго примѣненія, чтобы оно устроилось убѣжденію и осуществилась «разумно».

Эта миссія исполнялась у насъ духовными школами, во главѣ которыхъ всегда были Академіи. О нихъ намъ необходимо

позаботиться въ цѣляхъ просвѣщеннаго унионализма, а для сего надо знать точно. Но я связанъ съ ними всѣмъ научнымъ бытіемъ и внѣ ихъ не существую. Посему затрудняюсь распространяться, ибо хвалить себя недостойно, а хулить — постыдно. Постараюсь быть краткимъ и объективнымъ.

Съ англійской точки зрѣнія, русскія Духовныя Академіи явились слишкомъ поздно. Правда, Кіевская Академія основанная при архимандритѣ Кіево-Печерской Лавры (съ 1627 г.) Петрѣ Могилѣ, потомъ знаменитомъ Кіевскомъ митрополитѣ (1631 — 1646 г.), еще въ 1631 году, а Московская славяно-Греко-латинская Академія открыта въ 1685-мъ, но первая преобразована въ научный институтъ лишь въ 1817 году и фактически стала функционировать въ 1819-мъ, послѣдняя же реформирована въ 1814 году. С.-Петербургская (Петроградская) Духовная Академія, дѣйствующая съ 1809 года, получила титулъ «Алексадро-Невской Академіи» лишь въ 1797 году, а ранѣе существовала въ качествѣ «главной семинаріи» (1788 — 1797 г.), «славяно-греко-латинской семинаріи» (1725 — 1788 гг.) и «славянской школы» (1721 — 1725 г. г.). Однако, при оцѣнкѣ этихъ датъ нужно сообразоваться съ ходомъ русской исторіи, гдѣ еще не было настоящей государственности въ строгомъ смыслѣ, когда уже процвѣтали англійскія высшія школы, а Упсальскій Университетъ видитъ свое начало съ той эпохи, въ которую Россія находилась подъ татарскимъ игомъ. Не менѣе существенно и второе обстоятельство, связанное съ нашимъ историческимъ государственнымъ развитіемъ и освѣщающее его съ лучшей стороны, чѣмъ это принято думать повсюду. Россія постепенно сконцентрировавшая огромныя, почти необъятныя пространства, вовсе не покоряла ихъ, а просто присоединяла къ своей державѣ за отсутствіемъ тамъ всякой государственной власти. Вмѣстѣ съ этимъ на нее падала слишкомъ отѣтственная миссія приобщить эти дикія мѣста и варварскіе народы къ христіанской цивилизаціи. Это было великое проведенціальное призваніе наше, далекое отъ всякихъ захватныхъ и деспотическихъ стремленій. Какъ мы исполнили его — предоставляю судить вамъ и ожидаю оцѣнки не столько снисходительной, сколько справедливой. Никто не можетъ подарить больше, чѣмъ имѣеть, и мы дали то, что было, но тутъ

было послѣднее достояніе наше, а вы лучше знаете, какъ Господь превознесъ лепту бѣдной вдовицы по сравненію съ богатыми приношеніями фарисеевъ...

И вотъ въ этой области достопримѣчательна исключительная роль нашей церковно-духовной культуры. Въ началѣ русская цивилизація всюду распространялась миссионерскимъ путемъ благодаря самоотверженной апостольской ревности монаховъ, которые со свѣтильникомъ Евангелія проникали въ самыя темныя области и постепенно устраивали объединяющіе центры для обширнѣйшихъ районовъ. Лишь послѣ сего приходила государственная власть и старалась учреждать нѣкоторые гражданскій порядокъ. вмѣстѣ съ нимъ и для обезпеченія его заводились школы — прежде исключительно духовно-церковныя, а увѣнчаніемъ и завершеніемъ этой долгой подготовительной работы служили Духовныя Академіи, которыя являлись училищами истиннаго знанія и потому не ограничивались однѣми богословскими науками, но въ согласіи съ ними всегда культивировали и много свѣтскихъ дисциплинъ — философскихъ, историческихъ, филологическихъ, математическихъ. При такихъ условіяхъ понятно, что Духовныя Академіи возникли у насъ не скоро а что ихъ было немного, поскольку въ многосложномъ организмѣ глава бываетъ лишь одна... Въ этомъ же смыслѣ предполагалось открыть новыя Академіи — въ Вильнѣ, Томскѣ и Иркутскѣ.

По сказанному видно, что наши Духовныя Академіи были средоточіемъ духовно-христіанской культуры, ея хранителями и питомниками для всей Россіи и во всѣхъ направленіяхъ. Изъ нихъ вышла вся наша высшая іерархія. Академическіе воспитанники украшали наше духовенство вообще не только въ городахъ, но иногда и въ селахъ. Имъ обязанъ весь административный и педагогическій персоналъ многочисленныхъ школъ — духовныхъ, церковныхъ и — не рѣдко — свѣтскихъ. Но академисты, занимавшіе почти всѣ посты духовнаго и административнаго установленія, проникали въ другія сферы, если даже въ послѣднее время мы имѣли товарищемъ министра земледѣлія кандидата С.-Петербургской Духовной Академіи. И это не было измѣной своему званію, но примѣненіемъ его въ духѣ благочестія, которое на все полезно (I Тим. IV, 8)...

Такъ случилось, что чиновникъ Ми-

нистерства путей сообщенія получаетъ степень магистра богословія за ученую диссертацию о церковныхъ реформахъ Юсифа II; управляющій цѣлымъ отдѣленіемъ Государственнаго Коннозаводства пишетъ основательный трактатъ о фарисеяхъ; служащій въ Государственномъ Контролѣ издаетъ книгу объ Андреевскомъ Кронштадскомъ Соборѣ, гдѣ настоятельствовавалъ блаженно почивеій всероссійскій пастырь о. Іоаннъ. Et caetera, et caetera. Мы, можетъ быть, не внесли большого вклада въ обще-европейскую научную сокровищницу, но достаточно потрудились въ разработкѣ своего правильнаго достоянія и многого другого по соприкосновенности съ нимъ. Въ каждой области имѣется не мало именъ крупныхъ, — порой даже истинно великихъ. Не говоря о современникахъ и тѣмъ болѣе о присутствующихъ, назову лишь немногихъ для примѣра. Въ догматикѣ мы благодарно памятуемъ митрополита Макарія (Булгакова), архіепископа Филарета (Грумилевскаго), епископа Сильвестра (Малеванскаго) въ гомилетикѣ и пасторологіи — профессора В. Ф. Пѣвническаго, въ христіанской философіи, по которой «человѣкъ можетъ узнать (полную) истину (лишь) отъ Бога или (совсѣмъ) не узнаетъ ее», — проф. В. Д. Кудрявцева — Платонова, въ библиологіи цѣнны изслѣдованія славянскаго перевода въ связи съ текстуально-критическими проблемами по восстановленію его греческаго прототипа, въ сферѣ общей церковной исторіи славны профессора Ал. П. Лебедевъ и В. В. Болотовъ, причемъ послѣдній по необъятности и глубинѣ своихъ знаній (даже восточно-филологическихъ, математическихъ, астрономическихъ) былъ несомнѣннымъ корифеемъ всей европейской учености, въ русской церковной исторіи блистаетъ академикъ Е. Е. Голубинскій, въ части ея касательно страдобрядческаго раскола выдѣляется проф. Н. И. Субботинъ, по каноническому праву много сдѣлали профессоры А. С. Павловъ, Н. С. Суворовъ, И. С. Бердниковъ, для литургики истолкователемъ ея былъ проф. И. Д. Мансвѣтовъ а русскимъ Goag'омъ — проф. А. А. Дмитриевскій, въ церковной археологіи извѣстенъ проф. Н. В. Покровскій.

Я могъ бы продолжить этотъ списокъ и увеличить его, по крайней мѣрѣ, въ десять-двадцать разъ, но важность здѣсь не въ количествѣ, а въ основныхъ руководящихъ принципахъ. И вотъ по этому пункту пра-

вославі непоколебимо исповѣдуетъ, что христіанство есть жизнь, а не школьная доктрина, почему всякія теоретическія ученія бывають въ немъ лишь вторичными, отражая и раціонализируя реальныя жизненныя явленія. Но жизнь, пока она фактически существуетъ, — хотя бы среди бурь и потрясеній, яростно и безжалостно терзающихъ нынѣ великую Россію, — необходимо поглощаетъ и примиряетъ въ общемъ руслѣ всѣ многоразличныя теченія, чтобы не прекратиться отъ столкновенія ихъ и не погибнуть въ этомъ хаосѣ. Понятно, что нормальное научное воспроизведеніе ея непромѣнно бываетъ вполне соответствующимъ или не менѣе цѣлостнымъ, такъ что русское богословіе по своей природѣ остается единымъ. Въ немъ, конечно, всегда бывали разные взгляды и неодинаковыя направленія, но нѣтъ обособленности «богословскихъ школъ», которыя на Западѣ расходятся до исключительности и враждебности. Русское богословіе, сохраняя тѣсную связь съ жизненнымъ первоисточникомъ, не носитъ — въ своей основѣ — ни догматической стереотипности, ни схоластической сухости и отличается жизненною подвижностью со всѣми ея свойствами — постоянного стремленія впередъ и непрерывной пытливости именно въ отношеніи боговѣдѣнія.

Но жизнь, какъ глубочайшая тайна Божія, обязательно есть неизмѣнный запросъ и непрестанный допросъ о ея разумѣ и цѣли для всякой разсуждающей мысли. Поэтому русское богословіе никогда не ограничивается констатированіемъ и обобщеніемъ, а всюду старается проникнуть внутрь предметовъ и обнаружить ихъ идейную сущность. Всѣ работы русскаго богословскаго знанія во всѣхъ областяхъ сосредоточиваются, въ послѣднемъ итогѣ своемъ, на философскомъ постиженіи и принципиальномъ истолкованіи. Этотъ масштабъ неуклонно примѣняется и къ великому и къ малому: одни разъясняютъ философію евангельской исторіей и конструируютъ «философію жизни» (проф. М. М. Тарѣевъ), другіе думаютъ угадывать «тріединство божества» въ «памятникахъ всеобщей исторіи искусства» и ищутъ его идею въ православномъ храмѣ (Н. И. Троицкій), открываютъ на «выставкѣ религиозныхъ картинъ Васнецова» «православно-христіанскую философію въ русскомъ искусствѣ» (прот. І. И. Соловь-

евъ), комментируютъ наше «умозрѣніе въ краскахъ», освѣщая вопросъ о смыслѣ жизни въ древне-русской религиозной живописи (кн. Е. Н. Трубецкой) и т. п.

Возможно, что здѣсь у насъ чаще и больше проблемъ, чѣмъ отвѣтовъ и достижений, но вѣдь истинно научный прогрессъ создается не квіетизмомъ довольства готовымъ, а неугасимымъ пламененіемъ горячей пытливости о высшихъ идеалахъ и наилучшихъ путяхъ къ нимъ. Съ этой стороны русское богословіе — даже помимо всякихъ конкретныхъ успѣховъ — совершало великую культурно-историческую миссію произвольнаго напоминанія и бодрого предвѣщанія о божественномъ и вѣчномъ, наиважнѣйшемъ для всякаго существа въ мірѣ отъ начала дней и до конца временъ...

При такихъ особенностяхъ неудивительно, что атеистическіе и антихристіанскіе большевики успѣшили закрыть въ Россіи всякіе богословскіе источники и уничтожить всѣ четыре Академіи, совсѣмъ прекратили богословское образованіе и грубо истребляютъ всю богословскую литературу, рѣшивъ, напр., сжечь всѣ изданія моей, Петроградской Духовной Академіи. Разбиты у насъ лампы съ елеемъ богословскаго знанія и погасли научные свѣтильники наши... Но вѣчна священная истина боговѣдѣнія и она требуетъ своего разумнаго выраженія для совершеннаго усвоенія и для подготовки своихъ достойныхъ служителей и вѣрныхъ исповѣдниковъ. Съ этою сладостною надеждою основывается новый академическій очагъ въ Парижѣ, чтобы быть началомъ и символомъ будущей Россіи, которая должна воскреснуть лишь въ качествѣ великой духовной силы, христіански единой со всѣми. Среди убійственнаго мрака, подавляющаго насъ, мы возлагаемъ здѣсь всецѣлое упованіе на Господа Бога и къ Нему молитвенно взываемъ.

*Во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ: —
Пребави милость Твою въдушимъ Тя!
Святыи Божже, Святыи Кръпкій, Святыи Безсмертныи, помилуй насъ!*

Заслуженный профессоръ *Николай Глубоковскій.*

1925, VII, DVI, 18) — среда.
Kings College Hostel (№27)
Vincent Square,
London S. W.